

Лолиты осиротели

Коммерсант Умер Бальтус 20 февр. - с. 13
- 2001. -

В Швейцарии на 92-м году жизни скончался Бальтус (Balthus) — последний художник сюрреализма.

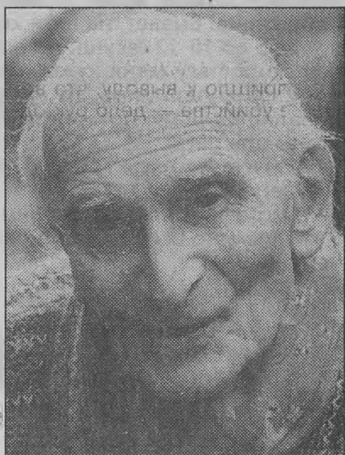
Графу Бальтасару Клоссовскому де Рола (Balthazar Klossowski de Rola) — так звучит полное имя Бальтуса — повезло прожить исключительно долгую жизнь. Он переждал удар по традиционному искусству, который сокрушил в послевоенное время не только реализм, но и вообще представление о деятельности художника как человека, что-либо рисующего. Он дожил до момента, когда ценности перформанса, акции и других радикальных экспериментов оказались под сомнением, и провел последние десять лет своей жизни в качестве национального достояния французского народа. О его смерти как о колоссальной утрате для страны вчера одновременно объявили президент Франции Жак Ширак (Jacques Chirac) и премьер-министр Лионель Жоспен (Lionel Jospin).

Вряд ли такой финал можно было представить себе в 1934 году, когда на парижской выставке сюрреалистов он впервые громко заявил о себе картиной «Урок музыки». На ней изображена отроковица с задранным подолом, которая анемично лежит на своем учителе, отложившем в сторону гитару. «Я был очень беден, — рассказывает Бальтус в интервью „Би-Би-Си“, в прошлом году снявшем четырехчасовой фильм о нем. — Единственным способом это изменить был скандал. Это сработало. Даже слишком».

Это звучит как раскаяние мудреца в грехах молодости. Но раскаяние это звучит странно. До конца жизни главным сюжетом Бальтуса оказывались более или менее обнаженные девочки в состоянии полуяви-полусна, то зачарованно любующиеся собой в зеркале, то предъявляющие себя для любования в состоянии той же зачарованности. Вместе с президентом и премьером кончину Бальтуса оплакали жена-японка Сетсуко (Setsuko), которая моложе его на полвека, и последняя модель, дочь его швейцарского врача, которой сейчас пятнадцать.

Сомнительность темы Бальтуса обеспечивала стабильный спрос на его произведения и одновременно привлекала к нему интеллектуалов. Он был чем-то вроде Кэрролла, в дополнение к «Алисе» — изощренному логическому бестселлеру — увлекавшегося фотографированием обнаженных отроковиц. Или вроде Набокова, чья «Лолита» рассчитана на равное вовлечение способом как эстетически интеллектуальным, так и нет.

Кстати, одна из отроковиц Бальтуса оказалась обложкой европейского издания «Лолиты». С той же страстью, с которой благонамеренные граждане третировали произведения Бальтуса как детскую порнографию, властители европейских умов его защищали. Первое предисловие к выставке его ра-

Смерть графа Клоссовского стала для Франции невозможной утратой

бот писал Райнер Мария Рильке, впоследствии в этой роли выступали такие персонажи, как Альберт Камю и Жорж Батай.

Свой сюжет Бальтус наполнил философическим смыслом. Он никогда не отступал от фигуративного искусства, но опыт авангарда остался для него не вполне чужим. Авангард и сюрреализм в равной мере, хотя и по-разному, показали сомнительность реальности, поставили под вопрос обладание ею. За реальностью обнаруживалась то черная бездна, то ветер пустоты, рвущий телесную оболочку сюрреалистических персонажей, как драную тряпку на заборе.

Для художника-реалиста в XX веке реальность оказалась объектом желания без возможности обладания им. «В любом диалоге, — говорит Бальтус в одном из своих поздних интервью, — между собеседниками всегда остается невидимая, но непроницаемая стена. Точно так же и в живописи — между художником и его объектом».

Тема — центральная для сюрреализма: достаточно напомнить «Этот смутный объект желания» Бунюэля. «Мы спорили с Батаем, — вспоминает Бальтус. — Он говорил, что смотрение на объект есть проникновение в него, его разрушение. А я ему возражал, что ровно наоборот — смотрение есть репрезентация дистанции, невозможности дотронуться». Девушки на пороге зрелости Бальтуса оказались наиболее ясным выражением этого смыслового комплекса — желания при невозможности обладания.

Для русского контекста это, в сущности, забавный комментарий к судьбе реализма. Вместо сюрреализма Россия переживала соцреализм, и казалось бы, что между ними общего? Но коллизии Бальтуса можно инкорпорировать в отечественную реальность. Ибо чем же было для художника-соцреалиста страстное и непрерывное живописание Сталина, как не страстным желанием при полной невозможности обладания? Просто Бальтус переживал эту проблему на другом материале и не в государственном, а приватном порядке.

ГРИГОРИЙ РЕВЗИН